

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-59-76

Постъевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией

Часть 2

Р. Саква

Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Текущие противоречия во взаимоотношениях между Россией и Европейским союзом (ЕС) необходимо рассматривать в контексте более глубокого и всеобъемлющего кризиса в области обеспечения безопасности, характерного для периода после окончания холодной войны. В настоящей работе предпринимается попытка структурной интерпретации и выявления четырех взаимосвязанных процессов, которые в той или иной степени способствовали формированию причин данного кризиса. Речь идет, во-первых, о противоречии между логикой территориального расширения ЕС и его структурной трансформации; во-вторых, о динамике инволюции и сопротивления данному процессу; в-третьих, о проблеме монизма, заключающейся в том, что расширяющееся интеграционное объединение не способно адекватно взаимодействовать с иными, не участвующими в интеграции акторами; и, наконец, в-четвертых, о концепциях «Малой», «Широкой» и «Большой Европы», реализация которых потенциально может внести вклад в преодоление текущих кризисных явлений, т.е. инволюции Европы. В свою очередь, наблюдающаяся на сегодняшний день эрозия евроатлантической модели обеспечения безопасности создает определенные предпосылки для того, чтобы наверстать упущенное за предыдущие десятилетия и, в частности, добиться заметной эволюции как в институциональной, так и в идейно-концептуальной сферах.

На основе методологии классического реализма и современных конструктивистских теорий автор анализирует, каким образом недостаток взаимопонимания и ошибки в понимании намерений и действий России, с одной стороны, и Запада — с другой, повлекли за собой глубокие структурные и когнитивные противоречия, которые привели к возобновлению конфронтации между евроатлантическим блоком и Россией.

Автор приходит к выводу, что невозможность реализации проекта «Большой Европы» с участием России обусловила углубление противоречий между Россией и Западом, а также вынудила Москву искать альтернативу европейской интеграции в проекте «Большой Евразии». При этом Европейский союз также вступил в кризисную стадию, свидетельством чего стал «Брекзит».

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, монизм, «Большая Европа», «Расширенная Европа», «Малая Европа» постбиполярный мир, инволюция

Монистическая Европа

Монизм — это классическая метафизическая концепция в философии, в основе которой лежит осознание реальности как результата существования одной, а не нескольких субстанций или принципов. Как правило, монизм противопоставляется дуализму (2 субстанции) или плюрализму (более 2 субстанций). В свою очередь, в исторической науке монизм означает наличие одного каузального фактора, в наибольшей степени детерминирующего поведение того или

иного исторического субъекта. В настоящей статье данный термин применяется в более узком смысле слова, подразумевающим наличие лишь одного пути исторического развития того или иного международного актора. Пол Гренье [Grenier 2015] формулирует проблему монизма в виде следующего вопроса: «Почему господство либеральной парадигмы абсолютно несовместимо с существованием или преобладанием иных политических или международных принципов?». Непосредственным следствием данного

положения является то, что общества или государства, которые сопротивляются либеральному миропорядку, в итоге оказываются отвергнуты господствующей парадигмой и рано или поздно начинают ощущать на себе негативные последствия от подобной изоляции. В частности, теория демократического мира, а также иные модели экспорта демократии в той или иной степени являются проявлениями идейно-концептуального монизма современных международных отношений.

В современной Европе философский характер политического монизма оказывается напрямую сопряжен с геополитическим экспансионизмом, который, в свою очередь, приводит к дальнейшему укреплению однополярной системы международных отношений. Кроме того, сам по себе монизм международной среды в значительной степени детерминирует политику Запада, под которым в данном случае подразумевается евроатлантическое сообщество и его ближайшие союзники [The Struggle for the West... 2010]. Неудача в реализации проекта «Большого Запада» привела к тому, что взаимоотношения со всеми западными акторами (и, в первую очередь, с теми, которые так и не стали частью «Большого Запада») автоматически существенно осложнились. В данном контексте вполне логично, что многие не смирившиеся с новой международной системой государства — и, прежде всего, Россия — отреагировали на сложившуюся и крайне неблагоприятную для них конфигурацию власти путем выработки принципиально новых моделей сопротивления текущему миропорядку. Таким образом, можно сказать, что монизм, вполне в духе классической гегелевской диалектики, парадоксальным образом породил собственное отрицание — а именно новые формы плюрализма. Все громче раздаются голоса диссидентов, несогласных с основополагающими детерминантами современного миропорядка и утверждающих, что «хотя большая часть исследований, посвященных политике ЕС, характеризуют данное интеграционное объединение в качестве „плюралистического“, тем не менее подобное самовосприятие вряд ли может быть признано объективным и имеет смысл только в узко онтологическом, эпистемологическом и методологическом смысле» [Manners, Whit-

man 2016: 3—4]. Кроме того, утверждается, что сама по себе нормативная власть является отдельной формой гегемонии [Diez 2013].

Современный европейский монизм имеет шесть основных специфических черт, которые в схематичном виде будут представлены ниже.

Во-первых, речь идет о том, что после окончания холодной войны Запад стал придерживаться дискурса о собственном «триумфе» и «победе» в глобальном противостоянии, в то время как советская, а затем и российская сторона настаивали на идее обоюдной, взаимовыгодной победы. Как уже было упомянуто ранее, переломным моментом в данном процессе стал Мальтийский саммит 1989 г., на котором лидеры США и СССР совместно определяли будущее Европы. В свою очередь, отсутствие на саммите представителя от Европы наглядно свидетельствует о том, что в период холодной войны Европа так и не стала независимым актором мировой политики и не сумела обрести подлинную политическую правосубъектность. Как и почти полвека назад в Ялте, судьбу Европы решали несколько великих держав; другое дело, что на Мальтийском саммите дипломатическая расстановка и стратегический баланс сил были уже совершенно иными. Михаил Горбачев отчетливо осознавал, что холодная война между Советским Союзом и США подрывает развитие Востока, и Запада, однако вместо его амбициозного проекта позитивной трансцендентности на практике было реализовано прямо противоположное — трансцендентность негативная, которая характеризовалась лишь очевидным смещением баланса сил, но никак не искомой структурной трансформацией всей европейской подсистемы международных отношений. В итоге уникальная возможность совмещения сильных сторон единства и множественности, монизма и плюрализма была окончательно упущена [Biebuyck, Rumford 2012], а отсутствие единого проекта дальнейшего развития европейской интеграции породило конфликт двух моделей региональной интеграции, который, по сути, делал возобновление глобального противостояния практически неизбежным.

Во-вторых, необходимо отметить тот факт, что принятый в Хельсинки в августе 1975 г. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе поставил вопрос

защиты прав человека во главу угла всей европейской подсистемы международных отношений. С одной стороны, Хельсинские соглашения закрепили результаты Ялтинской конференции 1945 г. — прежде всего, в сфере демаркации послевоенных границ и установления основополагающих принципов взаимоотношений между великими державами; с другой — стоит признать, что Хельсинская «третья корзина», включившая в себя обязательства по защите прав человека, создала механизм и предпосылки для будущего пересмотра Ялтинских соглашений. В свою очередь, Мальтийские договоренности были основаны на положениях Хельсинского Заключительного Акта и закреплены в Парижской хартии для новой Европы (1990 г.). Таким образом, Хельсинские соглашения, некогда заложившие бомбу замедленного действия под Ялтинские договоренности, в итоге сами были подорваны новыми реалиями постбиполярного мира. В частности, речь шла о ценностно-ориентированном подходе, на который, помимо прочего, опирались диссиденты стран Восточной Европы, критикуя действия собственных правительств в последние годы холодной войны. Более того, это были те самые ценности, яркими примерами которых выступали Михаил Горбачёв и Борис Ельцин, однако проблема заключалась в том, что после завершения холодной войны их распространение происходило в рамках скорее монистической, нежели плюралистической международной системы, что самым существенным образом подрывало политическую правосубъектность целого ряда международных акторов [Geis 2013]. Таким образом, защита прав человека стала основным предметом дискурса во взаимоотношениях между государствами, подменив собой более традиционные формы дипломатии. Кстати, именно поэтому стратегия продвижения демократии и поддержки «цветных революций» вполне могла бы стать действенным ответом на трудности постсоветской модернизации, если бы не один момент: будучи частью экспансионистского механизма постбиполярной системы, данная стратегия неизбежно воспроизводила логику игры с нулевой суммой, характерную для периода холодной войны [Chagar, Colton 2016]. В значительной степени это объяснялось тем фактом, что продвижение демократии

и защита прав человека вполне закономерно рассматривались в контексте взаимодействия между великими державами, что в некотором роде дискредитировало всю гуманитарную повестку дня.

В своем фундированном исследовании, посвященном межвоенному периоду, Э.Х. Карр [Carr 2001] утверждал, что совмещение постулатов идеализма и реализма оказалось в высшей степени неэффективным, поскольку данный симбиоз, с одной стороны, препятствовал развитию традиционной дипломатии, а с другой — значительно снижал потенциал использования принципа баланса сил в международных отношениях. Советский Союз, а затем и Россия в полной мере придерживались буквы и духа Парижской хартии 1990 г., однако подобная ситуация была чревата, как это ни парадоксально, целым рядом негативных последствий, поскольку чисто утилитарное, инструментальное и при том достаточно избирательное применение гуманитарных принципов Хартии для получения того или иного геополитического преимущества со стороны Запада порождало противоречие между традиционным дипломатическим взаимодействием между государствами и господствующей на глобальном уровне нормативной повесткой дня [Geuss 2008]. Как следствие, традиционные дискуссии между защитниками «принципа баланса сил» и сторонниками демократизации («трансформации политического режима») завершились абсолютной победой последних [Cottey 2007; Goldgeier, McFaul 2003]. Бесспорно, отстаивание и продвижение собственных ценностей — это неотъемлемая часть современных международных отношений, однако зачастую гуманитарная повестка дня отходит на задний план ввиду стремления государств к достижению совместных целей и налаживанию взаимовыгодного сотрудничества [Casier 2013]. Однако в условиях постбиполярного мира подобная тенденция не просматривалась, ввиду чего радикализация принципов евроатлантического сообщества, касавшихся экспорта демократии и повсеместной защиты прав человека, не могла не вызвать ответную реакцию со стороны России, что привело в итоге к прямо противоположным по отношению к первоначально заявленным результатам — а точнее, к ослаблению привлекательности демократии и проведению со стороны

Москвы целого ряда репрессивных и манипулятивных мер [Horvath 2013]. В данном контексте идею «суверенной демократии» следует рассматривать лишь в качестве одного из проявлений стремления России к установлению благоприятного для нее посткоммунистического миропорядка и к поиску автохтонного баланса между адаптацией к международным демократическим нормам и сохранением аутентичной политической традиции [Sakwa 2008]. Данная проблема может быть сформулирована при помощи различного терминологического аппарата, однако в общих чертах речь идет о непримиримом противоречии между гуманистическим универсализмом Эпохи просвещения и узконаправленным националистическим партикуляризмом.

Третьим фактором, обусловившим сначала возникновение монистической системы международных отношений в период «холодного мира», а затем ее перерождение в новое глобальное противостояние, стала неудача Европы в ее попытках обретения самостоятельной политической правосубъектности. В период после распада Советского Союза ЕС зачастую характеризовался как принципиально новый — своего рода постмодернистский — актер международных отношений, во внутри- и внешнеполитическом дискурсе которого ценности, правила и нормы играют гораздо большую роль, чем концепции баланса сил, традиционной дипломатии и военного принуждения [Ruggie 1993]. Более того, эта теория может быть изложена в пространственно-временной терминологии, то есть как идея о том, что реконфигурация территории того или иного актора международных отношений напрямую влияет на его политическую идентичность [Borg, Diez 2016]. Прямым следствием подобного восприятия вещей становится резкое размежевание постмодернистского политического дискурса ЕС и традиционного модернистского мышления государств, относимых к разряду политических аутсайдеров [Cooper 1998; Cooper 2003]: если для первых характерно продвижение собственных норм и ценностей на международной арене, то вторые рассматриваются скорее не как субъекты, а как объекты международных отношений, в отношении которых гораздо чаще осуществляется давление и принуждение. Именно в этом, в общих чертах,

и заключается проблема европейской инволюции. Кроме того, еще один неприятный момент заключается в том, что сугубо гражданский и миролюбивый внешнеполитический дискурс ЕС в то же время встроены в более крупную, евроатлантическую систему обеспечения безопасности, в рамках которой традиционные инструменты силы и влияния по-прежнему играют исключительно значимую роль. Таким образом, ЕС фактически оказывается мягкой, бархатной перчаткой, прикрывающей мощный кулак евроатлантической системы обеспечения безопасности [Mearsheimer 2014]. Подобный дуализм крайне негативно воспринимается со стороны России и усиливает ее самовосприятие как государства, находящегося в стратегическом тупике, поскольку для Москвы способ взаимодействия с ЕС в корне отличается от механизма выстраивания взаимоотношений с НАТО.

В свою очередь, с точки зрения России диалог с ней велся с двух взаимоисключающих позиций: с одной стороны, с точки зрения пост-Вестфальского политического дискурса (ЕС), а с другой — с позиции традиционных инструментов «жесткой» силы (НАТО). В этой связи установление прочных и стабильных отношений с евроатлантическим сообществом представлялось Москве исключительно непростой задачей, так как одновременно необходимо было учитывать и либеральный интернационализм ЕС, и гегемонистскую риторику НАТО. Более того, само понятие «сфер влияния» было полностью делегитимизировано, а либеральный мировой порядок подразумевал наличие всеобщих и универсальных норм, ценностей и идеалов. Так, сфера применения доктрины Монро фактически распространилась на весь Земной шар, а концепция универсализма политических ценностей не оставляла никакого выбора тем, кто не желал признавать ее глобального охвата. По сути, именно в этих условиях ЕС и провозгласил свою «цивилизаторскую миссию» по отношению к собственным восточным окраинам [Zielonka 2013]. Более того, данная монистическая и экспансионистская доктрина фактически впитала в себя элементы более ранних империалистических систем, которые были осмыслены с позиций постколониализма и касались всех, кто не принадлежал сияющему «граду на холме»

исторического Запада и, как следствие, должен был подвергнуться принудительному «цивилизаторству» со стороны Европы [Chakrabarty 2000]. Вполне логично, что в подобных условиях ответом России стало не что иное, как стремление подчеркнуть собственную национальную, культурную и цивилизационную идентичность [Maslovskiy 2016].

Четвертым моментом, напрямую повлиявшим на становление монистической системы, стало то, что Россия активно стремилась позиционировать себя в качестве защитницы «истинной», «настоящей» Европы в противовес Европе «ложной», «фальшивой», закованной в тесные кандалы евроатлантических структур обеспечения безопасности [Neumann 2016]. Сформулированная Михаилом Горбачевым концепция единого общеевропейского дома не была проработана в мельчайших деталях, однако ее фундаментальный принцип был вполне ясен: «Речь идет о такой перестройке сложившегося в Европе порядка, которая вывела бы на первый план общеевропейские ценности, позволила бы заменить традиционный баланс сил балансом интересов»¹. При этом подразумевалось, что речь идет об интересах независимых, полностью самостоятельных и суверенных государств Европы, которые должны объединиться в своем многообразии и сделать все возможное для создания нового, более успешного и процветающего политического сообщества. Таким образом, концепция «Большой Европы» — это проект, основанный на принципах геополитического и нормативного плюрализма и в то же время не допускающий возврата к архаичному императиву баланса сил в мировой политике, который столь долго господствовал на всей территории европейского континента [Большая Европа... 2014].

Михаил Горбачев твердо придерживался точки зрения, что различные политические системы на международной арене вполне могут мирно сосуществовать — и именно поэтому в своей речи на заседании Совета Европы (а так-

же несколько раз позднее) он беспелеационно заявлял о возможности преодоления тяжкого наследия как Ялтинских договоренностей, так и Мальтийского саммита. Он искренне стремился создать новую систему межъевропейского взаимодействия, которая учитывала бы интересы как малых, так и великих держав [Gorbachev, Ikeda 2005]. В своих замыслах он видел плюралистическую, многополярную Европу, которая не боится экспериментов и собственного многообразия; Европу, которая стала бы частью Большого Запада и в то же время включила бы в свой состав и Россию. Только такая Европа, созданная при участии Москвы, могла бы, в понимании Горбачева, стать подлинной основой нового, более справедливого и благополучного миропорядка.

В свою очередь, идея нового Договора о европейской безопасности, озвученная президентом России Дмитрием Медведевым в Берлине 5 июня 2008 г. — т.е. почти 20 лет спустя после ухода от власти Михаила Горбачева — в целом повторяла идеи последнего. Так, Дмитрий Медведев призвал к созданию всеобъемлющей и универсальной системы европейской безопасности, которая в будущем гарантировала бы устранение каких бы то ни было разделительных линий на территории европейского континента. К сожалению, данная идея (впрочем, вполне справедливо) подверглась ожесточенной критике как за ее абстрактный характер и отсутствие конкретных предложений, так и за плохо скрываемое намерение Москвы подорвать позиции НАТО в европейском регионе [Lo 2009]. Однако проблема была гораздо глубже — дело в том, что критики данной концепции совершенно не отдавали себе отчет в том, что концепция, выдвинутая Дмитрием Медведевым, по сути представляла собой последнюю попытку России выйти из стратегического тупика мирным и абсолютно приемлемым для всех прочих акторов способом.

Сторонником концепции «Большой Европы» можно назвать и Владимира Путина, особенно учитывая тот факт, что он сам многократно обращался к данной проблематике. Так, в 2010 г. Путин призвал к геополитическому объединению всей Европы — от Лиссабона до Владивостока — путем создания подлинного

¹ Gorbachev G. Europe as a Common Home. Address to the Council of Europe, Strasbourg, 6 July 1989. URL: http://chnm.gmu.edu/1989/archive/files/gorbachev-speech-7-6-89_e3ccb87237.pdf (accessed: 11.01.2016).

«стратегического партнерства». Четырьмя годами позднее, во время последнего (на текущий момент) саммита Россия—ЕС в Брюсселе, Владимир Путин выдвинул проект создания зоны свободной торговли от Атлантики до Тихого океана. Аналогичным образом, в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 г., Владимир Путин, обращаясь к теме урегулирования украинского кризиса и соблюдения Минских договоренностей, отметил, что «в этом (т.е. в соблюдении Минских соглашений) залог того, что Украина будет развиваться как цивилизованное государство, как важнейшее связующее звено в строительстве общего пространства безопасности и экономического сотрудничества как в Европе, так и в Евразии».

В то же время представители ЕС всячески подчеркивали, что именно эта организация (наряду с Советом Европы и ОБСЕ) является единственным легитимным выразителем воли объединенной Европы. Именно этот подход и называется проектом «Малой Европы» — Европы, которая, в свою очередь, рассматривалась как неотъемлемая часть более широкого евроатлантического сообщества [Gromyko 2015]. Подобное монистическое видение Европы вплоть до недавнего времени абсолютно не предусматривало существования какого бы то ни было альтернативного политического или идеологического сообщества. Подобно тому, как либерализм в период после окончания холодной войны не допускал наличия той или иной альтернативы собственной гегемонии в идеологической сфере и тем самым входил в противоречие с имманентно присущими ему принципами максимального уважения к свободе — точно так же и проект «Малой Европы» (и евроатлантического сообщества в целом) не предусматривал сколько-нибудь действенной формы взаимодействия с государствами, проигравшими в глобальном противостоянии. Более того, предполагалось, что решение проблемы исторического развития различных государств мира должно осуществляться на основе единых и универсальных для всех наций законов культурного и цивилизационного прогресса. В этой связи становится ясным, что даже если бы руководство России согласилось с подобным «вывернутым наизнанку» неомарксистским подходом (что, например, имело место в период президентства Бориса Ельцина), то неиз-

бежно возникла бы следующая дилемма: сам факт того, что проблемы сохранения территориальной целостности и политической идентичности, сотрудничества в сфере безопасности, экономической модернизации и международной интеграции до сих пор не решены, означает, что напряженность и конфликты из международных отношений никуда не исчезли и остаются важнейшим фактором мировой политики. Именно поэтому историцизм как марксистского, так и либерального толка в конечном итоге подрывает то, что Чебанкова называет «парадигмальным плюрализмом России» [Chebankova 2017]. С подобной точки зрения представляется вполне логичным, что, осознав текущую ситуацию, Россия в итоге попыталась вырваться из стратегического тупика, в котором она пребывала в течение четверти века с момента окончания холодной войны — и попытка эта сопровождалась, с одной стороны, активным поиском заслуживающих доверия союзников, а с другой — формулировкой конкретного идеологического обоснования данной политики.

Пятым фактором утверждения монистической системы в Европе стал провал всех попыток найти подходящий способ взаимодействия между ЕС, с одной стороны, и Россией и ее соседями — с другой. Так, Оле Вэйвер [Waever 1996] утверждал, что внешние акторы никогда не были врагом для ЕС, а скорее — метафизически выражаясь — собственным прошлым организации. Именно данный факт, по мнению исследователя, и привел к созданию сообщества, для которого соображения безопасности стояли явно не на первом месте [Waever 1998]. Собственно говоря, именно отсюда и происходит идея «Расширенной (Wider) Европы». В частности, 5—6 декабря 2002 г. в Брюсселе Президент Европейской комиссии Романо Проди представил проект «Расширенной Европы» (который позднее был преобразован в Европейскую политику соседства) следующими словами: «Я хочу видеть кольцо друзей вокруг Союза и его ближайших европейских соседей — от Марокко до России и Черного моря»². Несмотря на изменение политической

² Prodi R. A Wider Europe: A Proximity Policy as the Key to Stability. Brussels, 5—6 December 2002. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-02-619_en.htm (accessed: 15.09.2015).

конъюнктуры в последние годы, концепция «Расширенной Европы» по-прежнему эффективно описывает процесс, заключающийся в стремлении «Малой Европы» распространить собственное влияние на новые территории путем реализации новых форм политической и экономической интеграции. Как мы видели, первоначально Россия склонялась к идее, что она станет важнейшим элементом новой, «Расширенной Европы», однако впоследствии, когда Европейская политика соседства выродилась в чисто монистическое видение территориального расширения европейского сообщества с центром в Брюсселе, Россия утратила всякую надежду на взаимовыгодную кооперацию и перешла в разряд внешнего по отношению к ЕС актора мировой политики, находящегося на «дальних подступах» Европы (*Grossraum*). Именно так «Расширенная Европа» стала Европой без России. Дальнейшая радикализация проекта «Расширенной Европы» последовала после запуска Восточного партнерства ЕС, основным инструментом влияния которого стало заключение Договоров об ассоциации в сочетании с созданием ЗУВСТ — Зон углубленной и всеобъемлющей свободной торговли (DCFTA). Таким образом, проект «Расширенной Европы» стал естественным и неизбежным следствием, во-первых, активного продвижения ЕС на Восток, а во-вторых — рождения новой концепции, предназначенной для восточноевропейских стран и заключающейся в допуске на рынок ЕС восточноевропейской продукции в обмен на обеспечение соответствующих государств гарантировать проведение всеобъемлющих реформ, обеспечить верховенство закона и привести собственные регулятивные нормы в соответствие с нормами и критериями Евросоюза. В данном контексте становится ясным, что наиболее серьезные проблемы во взаимоотношениях с Россией возникли тогда, когда ЕС отказался от признания текущей ситуации непосредственным результатом своей собственной политики в предыдущие десятилетия.

И, наконец, шестой причиной формирования монизма Европы можно назвать попытки самой России запустить те или иные проекты интеграции на постсоветском пространстве. По большому счету, основным содержанием и сущностью «холодного мира» была безжалостная борьба между великими державами (вклю-

чая ЕС) за укрепление собственного влияния на территории постсоветской Евразии. Ситуация еще более обострилась, когда в середине 2000-х гг. на постсоветском пространстве был запущен целый ряд новых интеграционных проектов экономической и политической направленности. В период после окончания холодной войны было совершено немало попыток институционального оформления процесса евразийской интеграции, однако лишь во время третьего президентского срока Владимира Путина данная задача стала рассматриваться в качестве одного из ключевых приоритетов внешней политики России, что в итоге привело к созданию в январе 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Последней каплей, переполнившей море терпения Москвы, стала предполагаемая попытка Запада вывести Украину из российской сферы влияния в области экономики и безопасности. Збигнев Бжезинский более известен в России, чем на Западе, — и в этой связи не должно вызывать особого удивления, что его аргумент [Brzezinski 1994: 80] о том, что «без Украины Россия перестает быть империей, с Украиной же, подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически становится империей» — фактически стал мантрой в среде российской политической элиты, причем отнюдь не в позитивном ключе. В свою очередь, ЕС рассматривал свои действия в отношении Украины лишь в качестве попытки урегулирования текущей ситуации в регионе с исключительно шатким государственным устройством — и добиться этого планировалось в первую очередь технократическими методами. Однако проблема заключалась в том, что действия Евросоюза воспринимались со стороны России как проявление масштабных внешнеполитических амбиций всего евроатлантического сообщества, что, само собой, порождало у Москвы страх и ответную защитную реакцию.

Российское вмешательство в ситуацию на Украине в 2014 г., сопровождавшееся аннексией Крыма и поддержкой сепаратизма на Донбассе, расценивалось Западом в качестве серьезного вызова всей системе международного права. Однако, с точки зрения Кремля — и, говоря шире, подавляющей части населения России — «сражение» за Украину воспринималось скорее как последний рубеж в защите не только российских интересов, но и самой по себе идеи

«Большой Европы», некогда провозглашенной Михаилом Горбачевым, а впоследствии нашедшей свое развитие и продолжение в речи Владимира Путина на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 г. [Tsygankov 2015]³. Непосредственной целью российского вмешательства в украинский кризис было стремление выбраться из стратегического тупика, в котором Россия оказалась после окончания холодной войны. Именно поэтому Россия при Владимире Путине — это в высшей степени консервативная страна, которая в международных отношениях делает ставку на сохранение статуса-кво и противодействие так называемому «западному ревизионизму»; последний же, с точки зрения Москвы, выражается в стремлении Запада переформатировать восточноевропейское политическое пространство и распространить евроатлантическую систему обеспечения безопасности к самым границам России. Таким образом, конфликт на Украине следует рассматривать как порождение эпохи «холодного мира» и, как следствие, продукт преобладания сугубо монистического паттерна в мировой политике [Sakwa 2017], поскольку глубокие внутренние противоречия украинского государства вряд ли достигли бы когда-нибудь столь катастрофических масштабов и, тем более, не вышли на глобальный уровень, если бы после окончания холодной войны в Европе не была установлена столь ограниченная по охвату и геополитически неэффективная система обеспечения безопасности.

После инволюции: размышления о будущем Европы

В качестве долгосрочной альтернативы европейскому панконтинентализму можно рассматривать концепцию евроатлантизма. С данных позиций идея «Большой Европы» традиционно осуждалась как способ вбить клин между двумя составными частями — своего рода крыльями — евроатлантического сообщества. Именно по этой причине и был отклонен целый ряд советских и российских инициатив в сфере панъевропейской интеграции. В свою очередь, территориаль-

ное расширение ЕС и присоединение к Евросоюзу государств «новой» Европы только усилило данную тенденцию. В данном контексте не должно вызывать удивления, что традиционная подозрительность России по отношению к Западу получила дополнительную подпитку из-за активных попыток США позиционировать себя в качестве основного гаранта европейской безопасности и руководящего центра всей деятельности НАТО.

В июле 2009 г. в Германском фонде Маршалла было представлено письмо, авторами которого стали ведущие политики, эксперты и аналитики из стран Центральной и Восточной Европы. Данное письмо было адресовано новоизбранному президенту США Бараку Обаме и призывало к возобновлению прежних полноформатных отношений между Вашингтоном и государствами Центральной и Восточной Европы, которые, по мнению подписантов, должны основываться на общей приверженности демократическим ценностям и интересам взаимовыгодного сотрудничества как на территории Европы, так и за ее пределами. Один из авторов письма, бывший министр иностранных дел Чехии Александр Вондра, еще четыре года назад предупреждал, что значительный крен США в сторону *realpolitik* и попыток построения однополярного мира неизбежно повлечет за собой эрозию концепции евроатлантизма. Авторы письма отдельно подчеркивали, что все они являются яркими приверженцами идеи «евроатлантизма, а также сторонниками НАТО и ЕС», однако с сожалением отмечали, что «спустя двадцать лет после окончания холодной войны взаимоотношения со странами Центральной и Восточной Европы более не являются основным приоритетом внешней политики США». Кроме того, авторы письма акцентировали внимание на том, что именно Россия представляет собой наибольшую потенциальную угрозу для всего региона, особо отметив в данном отношении те негативные последствия, которые имели место после российско-грузинской войны в августе 2008 г.: «Многие государства Европы глубоко обеспокоены тем фактом, что Североатлантический альянс не предпринял никаких действий в ответ на нарушение со стороны России всех возможных принципов Хельсинкского Заключительного акта и Парижской

³ Putin V. 70th Session of the UN General Assembly. 2015. 28 September. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (accessed: 13.10.2015).

хартии для новой Европы, а также в ответ на ее посягательство на территориальную целостность страны, которая является членом Совета евроатлантического партнерства и активным участником программы НАТО „Партнерство ради мира“. И все это было совершено Россией лишь ради защиты ее собственной сферы влияния на постсоветском пространстве». Аналогичным образом авторы письма предупреждали и об опасности энергетической зависимости Европы от России.

Признавая, что на глобальном уровне Россия всеми силами стремилась отстаивать статус-кво, авторы письма, тем не менее, настаивали, что на региональном уровне «Россия вновь ведет себя как ревизионистская держава, которая стремится добиться стратегических целей XIX столетия при помощи тактики и методов XXI века». Кроме того, они осудили внешнеполитическую доктрину Медведева как попытку восстановления «европейского концерта наций», призванного заменить «существующую систему безопасности, основанную на ценностном принципе»⁴ (в данном случае речь шла о следующем: в преддверии российско-грузинской войны 2008 г. и сразу же после Бухарестского саммита НАТО, на котором обсуждался вопрос потенциального вступления в Альянс Грузии и Украины, Дмитрий Медведев призвал мировое сообщество к началу переговоров по усовершенствованию предельно неэффективной системы европейской безопасности).

Бесспорно, данное письмо касалось достаточно острых вопросов и вполне обоснованных опасений относительно судьбы европейского континента, однако проблема заключалась в том, что оно лишь констатировало текущую неблагоприятную ситуацию — вместо того, чтобы предложить способ ее преодоления. По большому счету, это был классический ответ с чисто монистических позиций, отражавший далеко зашедшую инволюцию европейской системы обеспечения безопасности после окончания хо-

лодной войны. И, конечно же, данная ситуация многократно усугубилась после завершения эпохи холодного мира и начала новой холодной войны в Европе в 2014 г.

Исторический Запад — или «Малая Европа» — по-прежнему остаются важнейшим актором международных отношений как на региональном, так и на глобальном уровнях, однако в настоящее время Европа и близко не является той гигантской, несокрушимой силой, которая могла бы, как это ожидалось в последние годы холодной войны, запустить мощную цепную реакцию глобальных преобразований [McCormick 2007]. К сожалению, произошло как раз обратное: исключение России из проекта «Широкой Европы» стало одной из ключевых причин обострения напряженности в рамках всего региона, а территориальное расширение евроатлантического сообщества, в свою очередь, породило гегемонизм и монистические устремления целого ряда государств мира.

Однако сейчас, когда при президенте Дональде Трампе США, по-видимому, сами начинают отказываться от того порочного миропорядка, который некогда был ими создан, инволюция Европы вполне может завершиться. К настоящему моменту Дональд Трамп уже денонсировал целый ряд международных договоров — например, Совместный всеобъемлющий план действий (т.е. ядерную сделку) по Ирану от 18 октября 2015 г. и Парижское соглашение по климату от 22 апреля 2016 г., а также, в довершение ко всему, начал торговую войну с Европой. Более того, во время своего визита в Европу в июле 2018 г. Трамп фактически отказался от традиционных евроатлантических связей и обязательств и вместо этого предложил кардинально иную схему трансатлантического взаимодействия. В частности, речь шла о давнем требовании США относительно «более справедливого» распределения расходов на обеспечение европейской безопасности и содержание НАТО; с точки зрения Дональда Трампа, европейские государства должны были взять на себя обязательство по выделению как минимум 2% собственного бюджета на нужды обороны и безопасности. При этом Трамп продемонстрировал ничем не прикрытую враждебность по отноше-

⁴ Open Letter to the Obama Administration from Central and Eastern Europe // *Gazeta Wyborcza*, 15 July 2009. URL: http://wyborcza.pl/1,98817,6825987,An_Open_Letter_to_the_Obama_Administration_from_Central.html?disableRedirects=true (accessed: 13.01.2016).

нию к ЕС, и совершенно неудивительно, что вскоре появились слухи о том, что он якобы пытался принудить Францию к выходу из Евросоюза⁵. Более того, возникли даже предположения, что весь интеграционный проект ЕС вполне может окончательно «рухнуть» [Kearns 2018]. Как следствие, «призрак» многополярной Европы начал постепенно воплощаться в реальность [Krastev, Leonard 2010].

В настоящее время имеются все основания смотреть в будущее с оптимизмом, так как сейчас, после окончания эпохи холодного мира и возобновления глобального противостояния, существует, по крайней мере, пять потенциальных способов преодоления европейского упадка и инволюции.

Во-первых, наверное, самой благоприятной для Евросоюза альтернативой является осуществление проекта «стратегической автономии» ЕС, сформулированного в *Глобальной стратегии* данной организации (июнь 2016 г.). Выход Великобритании из состава ЕС («Брекзит») и, как следствие, устранение британской оппозиции расширению европейского сотрудничества в области обороны и безопасности явным образом ускорили движение в данном направлении. Более того, в ноябре 2017 г. 23 государства ЕС заявили о своем намерении участвовать в программе Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO) [Besch 2017]. Бесспорно, подобный внешнеполитический курс будет сопровождаться попытками общего повышения эффективности и согласованности внешней политики ЕС, в том числе в рамках Европейской службы внешних связей (European External Action Service, EEAS) [Lehne 2017]. Еще одним примером подобной тенденции можно назвать заявление президента Франции Эммануэля Макрона относительно планов ЕС по углублению экономической и бюджетной интеграции в рамках Еврoзоны [Grant 2018]. Данный вариант развития событий гарантирует масштабную структурную трансформацию ЕС

[Zielonka 2014], и, более того, углубление европейской интеграции, что, пожалуй, может стать подлинным кошмаром для евроскептиков и сторонников «Брекзита» [Booker, North 2016].

Во-вторых, существует своего рода контртенденция по отношению к проекту «Большой Европы», которая заключается в активизации дезинтеграционных процессов в рамках ЕС. В данном контексте «Брекзит» знаменовал собой поворотный пункт в истории европейской интеграции, которая до сих пор двигалась лишь в направлении углубления и расширения европейского интеграционного проекта. Проблема усугубляется еще и тем, что в настоящее время у власти в Польше и Венгрии находятся партии, откровенно враждебные по отношению к универсалистским ценностям ЕС, причем их национальные, автохтонные версии «нелиберальной демократии» явным образом входят в противоречие с демократическими принципами верховенства права и независимости судебной власти. Россию нередко обвиняли в попытках разрушения Европейского союза, однако необходимо признать, что очевидный рост популизма как левого, так и правового толка не имел ничего общего с политикой Москвы, хотя в некоторых случаях и присутствовала определенная общность взглядов. Более того, официальная позиция России заключалась в поддержке единства и в то же время абсолютной независимости ЕС. В этой связи очевидный рост недоверия между различными социальными слоями и представителями национальных элит европейских государств был вызван в первую очередь внутренними проблемами ЕС — например, объективными затруднениями в выработке единого общеевропейского курса в отношении таких вызовов региональной безопасности, как миграционный кризис, глобализация и др. Необходимо отметить и тот факт, что инициативу по урегулированию многих вышеперечисленных вопросов взяла на себя Германия, ввиду чего исторические опасения Маргарет Тэтчер и Франсуа Миттерана относительно «германизации» Европы уже не представляются совершенно беспочвенными.

В-третьих, в качестве своего рода антитезы монистической Европе можно рассматривать процесс евразийской интеграции, который вполне может стать действенным способом син-

⁵ Willsher K. Quit the EU for Better Trade Deal, Trump Reportedly Told Macron // The Guardian. 2018. 29 June. URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/jun/29/quit-eu-bilateral-trade-deal-trump-told-macron-us-france-terms> (accessed: 20.07.2018).

теза и объединения всего европейского континента. Так, в своей программной статье по теме евразийской интеграции (2011) Владимир Путин, незадолго до своего возвращения на третий президентский срок, подчеркнул бесспорный успех проекта Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, который был заключен 1 июля 2011 г., а также отметил предстоящее создание (с 1 января 2012 г.) единого экономического пространства между тремя государствами, которое должно внести значительный вклад в гармонизацию их национального законодательства и обеспечение свободного движения капитала, услуг и рабочей силы сквозь их границы. Кроме того, Путин изложил планы по расширению данного проекта, призванного охватить целый ряд иных государств постсоветского пространства, а также анонсировал предстоящее создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а в перспективе — и Евразийского союза (ЕАС). С точки зрения Владимира Путина, мощный импульс к дальнейшему развитию евразийской интеграции был дан всемирным экономическим кризисом, однако основная причина успеха данного проекта заключалась все же не в этом, а в традиционных связях, основанных на взаимных интересах и потребностях ключевых региональных игроков. Предполагалось, что в будущем Евразийский союз (не путать с ЕАЭС!) будет напрямую управляться наднациональными структурами — в частности, речь шла о придании Евразийской комиссии Таможенного союза гораздо более широких полномочий.

В своей статье Владимир Путин также вкратце описал, каким образом был успешно пройден путь европейской интеграции — путь, занявший более 40 лет и начавшийся с Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а завершившийся созданием полноценного Европейского союза. Путин высказал предположение, что на евразийском пространстве тот же самый путь будет пройден гораздо быстрее — в первую очередь потому, что его основой станет обширный опыт европейской интеграции. Кроме того, в своей статье он особо подчеркнул, что создание ЕАЭС ни в коем случае не стоит рассматривать как возрождение Советского Союза: новое интеграционное объединение будет открыто для всех заинтересованных государств

и при этом основано на либеральных принципах свободы торговли.

Таким образом, ЕАЭС должен был стать, по замыслу Владимира Путина, своего рода дополнением к Европейскому союзу, а отнюдь не его альтернативой. Цель данного проекта заключалась не в том, чтобы «отгородиться от кого-либо», а в создании нового объединения, которое бы строилось на «универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». Более того, можно сказать, что ЕАЭС планировался как своего рода «копия» ЕС, т.е. как интеграционное объединение, основанное на принципах максимальной свободы торговли и располагающее нормативно-правовой базой, в общем и целом сходной с законодательством ЕС. В данном контексте будет уместным сказать, что проект евразийской интеграции фактически представлял собой одну из моделей континентального панъевропейского объединения, которая рассматривалась не столько как вызов ЕС, сколько как реальная возможность повышения геополитического статуса евразийских держав. Другими словами, создание ЕАЭС, с одной стороны, можно расценивать как попытку превращения евразийского пространства в отдельный мощный полюс — своего рода столп — многополярной системы международных отношений, а с другой — данный процесс в значительной степени был обусловлен очевидным стремлением России придать больше правосубъектности тем политическим элементам, которые в перспективе могли бы внести существенный вклад в реализацию проекта «Большой Европы». Пожалуй, подобную модель региональной интеграции можно с должным на то основанием назвать одним из ключевых способов преодоления текущей инволюции европейского континента, а также прекрасной возможностью для общего укрепления позиций Европы по отношению к Китаю и всей Азии в целом. Таким образом, создание ЕАЭС было не только и даже не столько самоцелью, сколько действенным способом выстраивания взаимодействия с иными крупными международными акторами — в частности, с руководимым США евроатлантическим блоком, а также с синоцентричной

Азией. По большому счету, подобные задачи делали евразийскую интеграцию в высшей степени амбициозным инструментальным проектом, призванным укрепить позиции России на постсоветском пространстве, однако в то же самое время порождавшим значительные противоречия с соседними государствами [Sakwa 2016]. Пользуясь терминологией Хэлфорда Маккиндера, можно назвать данную политику концепцией обеспечения полного контроля над хартлендом — правда, в отношении евразийской периферии подобное обозначение представляется достаточно условным. С другой стороны, создание ЕАЭС стало своего рода геополитическим ответом на феномен евроатлантического монизма — ответом, утверждавшим принципы интегративного плюрализма.

В-четвертых, зарождение многоформатного проекта «Большой Евразии» представляет собой не только серьезный потенциальный вызов концепту «Большой Европы», но и весомую альтернативу внешнеполитической ориентации России исключительно на взаимодействие с ЕС. Так, Дмитрий Тренин [Trenin 2015] отмечает, что идея «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока постепенно уступает место концепции «Большой Азии» от Санкт-Петербурга до Шанхая. В настоящее время данный проект приобретает все более отчетливые очертания, причем одной из форм его реализации представляется дальнейшее расширение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — интеграционного блока, в который первоначально входили лишь Россия, Китай и целый ряд стран Центральной Азии. Однако после Уфимского саммита ШОС в июле 2015 г. было принято решение о расширении организации и присоединении к ней Индии, Пакистана и Ирана, а в перспективе — и еще нескольких государств региона. Таким образом, на сегодняшний день ШОС вышла уже далеко за пределы изначально планировавшейся оси Москва—Пекин и стала самостоятельным центром силы в международных отношениях. В частности, в тексте *Уфимской декларации ШОС 2015 г.* (пункт 6) особо отмечалось, «что мирное сосуществование государств невозможно без всеобщего, добросовестного и последовательного применения общепризнанных принципов и норм международного права». Пожалуй, данный пассаж можно рас-

сматривать как свидетельство возникновения мощного антигегемонистского дискурса, характерного для постзападного многополярного плюралистического мироустройства [Stuenkel 2016]. Подводя итог рассматриваемому вопросу, представляется целесообразным подчеркнуть, что взаимодействие блоков и интеграционных объединений по-прежнему остается серьезной проблемой в международных отношениях, однако оно же является и частью решения, поскольку предоставляет Европе уникальную возможность для выхода из текущего стратегического тупика и преодоления монистической инволюции.

В-пятых, стоит упомянуть о том, что хотя за последние десятилетия концепция «Большой Европы» и утратила значительную часть собственных апологетов на территории всего континента, тем не менее она по-прежнему являет собой наиболее реалистичный и самосогласованный сценарий макрорегиональной интеграции. Данный вариант панъевропеизма, с одной стороны, отнюдь не исключает сохранения исторической, или Малой Европы, а с другой — представляет собой действенный способ институционализации европейского политического плюрализма. Более того, модель «Большой Европы» позволит ЕС стать частью по-настоящему многоформатного проекта европейской интеграции, включающей в себя такие государства, как Россия и Турция, что станет важнейшим шагом на пути к деэскалации текущей напряженности на территории региона [Большая Европа... 2014]. В свою очередь, таким странам, как Украина, Беларусь и Грузия, более не придется делать непростой выбор в пользу той или иной модели интеграции — напротив, они будут действовать в рамках абсолютно плюралистического, а не монистического общеевропейского пространства. Однако и это еще не все: успешная реализация проекта «Большой Европы» и привлечение к нему России неминуемо повлечет за собой создание «Большого Запада», что опять же будет способствовать плюрализации всего мирового порядка.

Заключение

Концепция «Большой Европы», основанная на идее единства, но не унификации огромного континента, простирающегося от Атлантического до Тихого океана, подразумевает интеграцию

Европейского и Евразийского экономического союзов в единое экономическое и политическое целое. Однако в течение последних десятилетий подобные проекты оказались «зажаты» между молотом евроатлантического дискурса и накопленной новых могущественных государств Азии — и, прежде всего, Китая. На сегодняшний день уже выдвигаются амбициозные проекты паназиатской интеграции, в которую должны быть вовлечены Россия, Китай, Южная Корея и целый ряд иных стран мира; тем самым создается современный вариант концепции Шелкового пути. Масштабы и серьезность подобных сценариев значительно разнятся, однако все они нацелены на поиск той формулы, которая могла бы объединить самые разные государства в рамках постевропейского интеграционного процесса. Кроме того, до сих пор возникают жаркие дискуссии относительно того, до какой степени национальный суверенитет участвующих в интеграции государств должен ограничиваться полномочиями наднациональных органов. Однако, несмотря на все эти разногласия, данные концепции являются реальной альтернативой проектам «Малой» и «Широкой» Европы и подразумевают интенсивную интеграцию на евразийском и азиатском пространствах. На наш взгляд, подобный всплеск регионализма на макроуровне отражает попытку целого ряда международных акторов создать новые высокоэффективные политические институты в нестабильных условиях постбиполярного мира, тем самым преодолев очевидную асимметрию международной среды, возникшую после окончания холодной войны.

Таким образом, пространственно-временная конфигурация европейского и евразийского регионов продолжает меняться. В пространственном отношении формулировка трех классических концепций Европы — «Малой», «Широкой» (*wider*) и «Большой» — сопровождается интенсификацией макрорегиональных интеграционных проектов, которые вовлекают в свою орбиту ядро старой, исторической Европы. Вопреки надеждам и ожиданиям последнего периода холодной войны три вышеуказанные интеграционные концепции так и не воплотились в реальность ни в институциональном, ни процессуальном смысле; напротив, произошло дальнейшее усугубление

противоречий между Россией и исторической Европой, вызванное, в том числе, включением в состав ЕС и НАТО целого ряда посткоммунистических государств Восточной Европы. В итоге четверть столетия «холодного мира» вплоть до 2014 г. войдет в историю как 25 потерянных лет, в течение которых так и не была решена ни одна из фундаментальных проблем европейской безопасности.

Вместо этого, напротив, постепенно нараставший антагонизм между Западом и Востоком вылился в серьезный и затяжной украинский кризис. «Единая и свободная Европа», создание которой провозглашалось в Парижской хартии 1990 г., так и не воплотилась в реальность; железный занавес вновь опустился на европейский континент, а расцвет государств Азии может окончательно похоронить идею «Большого Запада». ЕС же, не сумевший вырваться из «тисков» евроатлантизма, так и остался на обочине исторического процесса — и в данном контексте представляется вполне логичным, что подобное положение дел все чаще заставляет многих исследователей на Западе всерьез говорить о губительной «петле времени», в которую попала Европа⁶. Более того, инволюция ЕС нашла свое яркое отражение в вопиющей неспособности Европы преодолеть тяжкое наследие холодной войны и взять курс на объединение и примирение.

Проблема усугублялась еще и тем, что провал в реализации проекта «Большой Европы» сопровождался интенсификацией дезинтеграционных процессов. С одной стороны, ЕС стал в еще большей степени важнейшей — но все же частью — евроатлантического сообщества. По словам Вальца [Waltz 2000], «администрация Джорджа Буша-старшего, а затем и Клинтона продолжала видеть в НАТО лишь инструмент поддержания собственного влияния на внешнеполитический и военный курс европейских государств» — и подобная задача еще более облегчалась тем фактом, что Маастрихтский договор ЕС (декабрь 1991 г.) существенно ограничил полномочия европейских государств в сфере обороны и обеспечения региональной безопасности [Waltz 2000: 21]. В свою очередь, Лиссабонский договор 2007 г. окончательно передал

⁶ Jenkins S. Trump is Right: Nato is a Costly White Elephant // *The Guardian*. 2018. 13 July. P. 5.

всю полноту власти и полномочий в данной сфере Североатлантическому альянсу (НАТО), попутно очертив границы, причем достаточно узкие, для применения Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) ЕС. Наряду с этим в тексте *Глобальной стратегии Евросоюза (EUGS)* не говорилось ни слова о выстраивании партнерских взаимоотношений с Россией; напротив, речь шла о строгом осуждении политики Москвы в различных регионах мира, в то время как об основной причине нарастания взаимных противоречий — интенсивном расширении евроатлантической системы на Восток — вообще не упоминалось. Кроме того, данный документ постулировал «стратегическую автономию Евросоюза», а также планы дальнейшего расширения взаимодействия между ЕС с НАТО.

С наступлением новой эры конфронтации на территории европейского континента был разработан целый ряд схем и сценариев, направленных одновременно и на изоляцию России (например, создание Энергетического союза ЕС), и на активизацию сотрудничества с США — в том числе посредством запуска Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) или даже создания «экономического НАТО». Однако параллельно с глобальной эскалацией напряженности у европейских государств все более крепло убеждение в том, что Россия всегда в обозримом будущем будет соседом ЕС и, следовательно, в интересах самой Европы как можно скорее отыскать новый *modus vivendi* (т.е. способ сосуществования) с мощной ядерной державой, расположенной на Востоке. В свою очередь, это означало настоятельную потребность в реализации концепции «Большой Европы», подразумевающей достижение взаимовыгодных договоренностей с Россией по вопросам обеспечения безопасности и решения ключевых проблем, стоящих перед регионом.

Таким образом, время продемонстрировало несостоятельность концепции «Малой Европы». В частности, резко обострившийся в 2015 г.

миграционный кризис ЕС стал наглядным свидетельством того факта, что только совместными усилиями «Большая Европа» может обрести причитающееся ей место на международной арене и донести до мирового сообщества свою собственную позицию относительно урегулирования крупных геополитических кризисов, разразившихся на территории Ближнего Востока и Северной Африки. «Малая Европа» физически не в состоянии обеспечить собственную безопасность без помощи извне — и в этой связи чем дольше она будет затягивать с примирением с Россией, тем в большей степени последняя будет переориентироваться на интеграцию в рамках широкого евразийского или азиатского пространства. Уже сейчас огромное и все более растущее влияние на ситуацию в Евразии оказывает Китай, а в перспективе, в тесном союзе с Россией, он способен играть роль первой скрипки как в европейской, так и в мировой политике. Опасность заключается в том, что современный антигегемонистский импульс в международных отношениях вполне может породить стремление целого ряда мировых акторов к полному сокрушению власти гегемона и лишению евроатлантической системы тех привилегий, которыми она располагает в настоящее время. Подобная ситуация напрямую ведет к ослаблению позиций Европы и в идеологической сфере, то есть к утрате ею контроля за формированием ценностного дискурса европейского региона. Подводя итог, можно сказать, что инволюция ЕС уже повлекла за собой паралич власти на территории всего континента. Многочисленные концепции, касающиеся будущего Европы, конечно же, по-прежнему будут существовать, но ни одна из них, скорее всего, так и не воплотится в реальность из-за очевидной неспособности европейских государств институционализировать и тем самым претворить в жизнь идею единой Европы, простирающейся от Лиссабона до Владивостока. И именно в этом и состоит трагедия современной Европы.

Библиографический список

- Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы* / под общ. ред. А.А. Громько, В.П. Фёдорова. М.: Издательство «Весь Мир», 2014.
- Besch S. PESCO: Paper Tiger, Paper Tanks? Centre for European Reform. 29 November 2017. URL: <https://cer.eu/publications/archive/bulletin-article/2017/pesco-paper-tiger-paper-tanks> (accessed: 12.01.2018).
- Biebuyck W., Rumford C. Many Europes: Rethinking Multiplicity // *European Journal of Social Theory*. 2012. Vol. 15. Iss. 1. P. 3—20. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431011423567>.

- Booker C., North R.* The Great Deception: Can the European Union Survive? — EU Referendum Edition. London: Bloomsbury, 2016.
- Borg S., Diez T.* Postmodern EU? Integration Between Alternative Horizons and Territorial Angst // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2016. Vol. 54. Iss. 1. P. 136—151. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12327>.
- Brzezinski Z.* The Premature Partnership // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73. No 2 (March—April). P. 67—82.
- Carr E.H.* The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations. Reissued with a New Introduction and additional material by Michael Cox. London: Palgrave, 2001.
- Casier T.* The EU—Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // *Europe—Asia Studies*. 2013. Vol. 65. Iss. 7. P. 1377—1395. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.824137>.
- Chakrabarty D.* Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Charap S., Colton T.* Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia. London: Routledge/Adelphi, 2016.
- Chebankova E.* Ideas, Ideology and Intellectuals in Search of Russia's Political Future // *Daedalus*. 2017. Vol. 146. Iss. 2. P. 76—88. DOI: https://doi.org/10.1162/DAED_a_00436.
- Cooper R.* The Postmodern State and the World Order. London: Demos, 1998.
- Cooper R.* The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. New York: Atlantic Monthly Press, 2003.
- Cottey A.* Security in the New Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
- Diez T.* Normative Power as Hegemony // *Cooperation and Conflict*. 2013. Vol. 48. Iss. 2. P. 194—210. DOI: 10.1177/0010836713485387.
- Geis A.* “The Concert of Democracies”: Why Some States are More Equal than Others // *International Politics*. 2013. Vol. 50. Iss. 2. P. 257—277.
- Geuss R.* Philosophy and Real Politics. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008.
- Goldgeier J.M., McFaul M.* Power and Purpose: US Policy Toward Russia after the Cold War. Washington, DC: Brookings Institution, 2003.
- Gorbachev M., Ikeda D.* Moral Lessons of the Twentieth Century: Gorbachev and Ikeda on Buddhism and Communism. London: I. B. Tauris, 2005.
- Grant C.* Macron's Plans for the Euro. Centre for European Reform, 23 February 2018. URL: <https://www.cer.eu/insights/macrons-plans-euro> (accessed: 13.06.2018).
- Grenier P.* Why Liberal Modernity Can't Live with any Principle of Order other than Itself: A Study // *Geo-political Philosophy*. 2015. (не опубли.).
- Gromyko A.* Russia, the US, and Smaller Europe (the EU): Competition for Leadership in a Polycentric World. Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences // Working Paper No. 14. 2015. URL: <http://en.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/wp14.pdf> (accessed: 13.06.2018).
- Horvath R.* Putin's 'Preventative Counter-Revolution': Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution. London & New York: Routledge, 2013.
- Kearns I.* Collapse: Europe after the European Union. London: Biteback, 2018.
- Krastev I., Leonard M., Bechev D., Kobzova J., Wilson A.* The Spectre of a Multipolar Europe. London: European Council on Foreign Relations, 2010.
- Lehne S.* Is There Hope for EU Foreign Policy? Carnegie Europe, December 2017.
- Lo B.* Medvedev and the New European Security Architecture. Centre for European Reform. July 2009. URL: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pbrief_medvedev_july09-741.pdf (accessed: 11.07.2018).
- Manners I., Whitman R.* Another Theory is Possible: Dissident Voices in Theorising Europe // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2016. Vol. 54. Iss. 1. P. 3—18. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12332>.
- Maslovskiy M.* The Imperial Dimension of Russian Modernisation: A Multiple Modernities Perspective // *Europe—Asia Studies*. 2016. Vol. 68. Iss. 1. P. 20—37. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1116498>.
- McCormick J.* The European Superpower. Basingstoke: Palgrave, 2007.
- Mearsheimer J.J.* Why the Ukraine Crisis is the West's Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin // *Foreign Affairs*. 2014. Vol. 93. Iss. 5. P. 77—89.
- Ruggie J.* Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International Organization*. 1993. Vol. 47. Iss. 1. P. 139—174.
- Sakwa R.* Russian Political Culture Through the Eyes of Vladislav Surkov: Guest Editor's Introduction // *Russian Politics & Law*. 2008. Vol. 46. Iss. 5. P. 3—7. DOI: <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940460500>.
- Sakwa R.* How the Eurasian Elites Envisage the Role of the EEU in Global Perspective // *European Politics and Society*. 2016. Vol. 17. Supplement. P. 4—22. DOI: <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1171038>.

- Sakwa R.* The Ukraine Syndrome and Europe: Between Norms and Space // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2017. Vol. 44. P. 9—31. DOI: <https://doi.org/10.1163/18763324-04401003>.
- The Struggle for the West: A Divided and Contested Legacy* / ed. by C.S. Browning & M. Lehti. London & New York: Routledge, 2010.
- Stuenkel O.* Post-Western World: How Emerging Powers are Remaking Global Order. Cambridge: Polity, 2016.
- Trenin D.* From Greater Europe to Greater Asia?: The Sino-Russian Entente. Moscow Carnegie Centre, May 2015. URL: <https://carnegie.ru/2015/04/09/from-greater-europe-to-greater-asia-sino-russian-entente-pub-59728> (accessed: 11.07.2018).
- Tsygankov A.P.* Vladimir Putin's Last Stand: the Sources of Russia's Ukraine Policy // *Post-Soviet Affairs*. 2015. Vol. 31. Iss. 4. P. 279—303. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1005903>.
- Waever O.* European Security Identities // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 1996. Vol. 34. No. 1. P. 103—132.
- Waever O.* Insecurity, Security and Asecurity in the West European Non-War Community // *Security Communities* / ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 69—118.
- Waltz K.N.* Structural Realism after the Cold War // *International Security*. 2000. Vol. 25. Iss. 1. P. 5—41.
- Zielonka J.* Europe's New Civilizing Missions: The EU's Normative Power Discourse // *Journal of Political Ideologies*. 2013. Vol. 18. Iss. 1. P. 35—55. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569317.2013.750172>.
- Zielonka J.* Is the EU Doomed? Cambridge: Polity Press, 2014.

Дата поступления: 02.10.2018

Для цитирования: Саква Р. Постевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией. Часть 2 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 59—76. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-59-76.

Сведения об авторе: Ричард Саква — доктор политических наук, профессор Университета Кента (Великобритания) (e-mail: r.sakwa@kent.ac.uk).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-59-76

Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia

Part 2

R. Sakwa

University of Kent, Canterbury, United Kingdom

Abstract. The crisis in relations between Russia and the European Union (EU) is part of the broader breakdown of the post-Cold War security order. This essay focuses on structural interpretation and identifies four interlinked processes shaping the crisis: tension between the logic of the enlargement and transformation; a dynamic of involution and resistance; the problem of monism, whereby the expanding self is unable adequately to engage with the un-integrated other; and the recent emergence of 'other Europes' that may potentially overcome involution. The erosion of the Atlantic system provides an opportunity for delayed institutional and ideational innovation.

Based on the methodology of classical realism and modern constructivist theories, the author analyzes how the lack of mutual understanding and mistakes in understanding the intentions and actions of Russia, on the one hand, and the West, on the other, led to deep structural and cognitive contradictions that managed to renew confrontation between the Euro-Atlantic bloc and Russia.

The author comes to the conclusion that the impossibility of implementing the "Greater Europe" project with the participation of Russia led to a deepening of the contradictions between Russia and the West, and also forced Moscow to look for an alternative to European integration in the "Greater Eurasia" project. At the same time, the European Union also entered a crisis stage, as evidenced by Brexit.

Key words: Russia, the European Union, monism, "Greater Europe", "Wider Europe", "Smaller Europe", post-bipolar world, involution

References

- Besch, S. (2017). *PESCO: Paper Tiger, Paper Tanks?* Centre for European Reform. URL: <https://cer.eu/publications/archive/bulletin-article/2017/pesco-paper-tiger-paper-tanks> (accessed: 12.01.2018).
- Biebuyck, W. & Rumford, C. (2012). Many Europes: Rethinking Multiplicity. *European Journal of Social Theory*, 15 (1), 3—20. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431011423567>.
- Booker, C. & North, R. (2016). *The Great Deception: Can the European Union Survive? — EU Referendum Edition*. London: Bloomsbury.
- Borg, S. & Diez, T. (2016). Postmodern EU? Integration Between Alternative Horizons and Territorial Angst. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 54 (1), 136—151. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12327>.
- Browning, C.S. & Lehti, M. (Eds.) (2010). *The Struggle for the West: A Divided and Contested Legacy*. London & New York: Routledge.
- Brzezinski Z. (1994). The Premature Partnership. *Foreign Affairs*, 73 (2), March—April, 67—82.
- Carr, E.H. (2001). *The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations. Reissued with a New Introduction and additional material by Michael Cox*. London: Palgrave.
- Casier, T. (2013). The EU—Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument. *Europe—Asia Studies*, 65 (7), 1377—1395. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.824137>.
- Chakrabarty, D. (2000). *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Charap, S. & Colton, T. (2016). *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. London: Routledge/Adelphi.
- Chebankova, E. (2017). Ideas, Ideology and Intellectuals in Search of Russia's Political Future. *Daedalus*, 146 (2), 76—88. DOI: https://doi.org/10.1162/DAED_a_00436.
- Cooper, R. (1998). *The Postmodern State and the World Order*. London: Demos.
- Cooper, R. (2003). *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. New York: Atlantic Monthly Press.
- Cottey, A. (2007). *Security in the New Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Diez, T. (2013). Normative Power as Hegemony. *Cooperation and Conflict*, 48 (2), 194—210. DOI: 10.1177/0010836713485387.
- Geis, A. (2013). “The Concert of Democracies”: Why Some States are More Equal than Others. *International Politics*, 50 (2), 257—277.
- Geuss, R. (2008). *Philosophy and Real Politics*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008.
- Goldgeier, J.M. & McFaul, M. (2003). *Power and Purpose: US Policy Toward Russia after the Cold War*. Washington, DC: Brookings Institution.
- Gorbachev, M. & Ikeda, D. (2005). *Moral Lessons of the Twentieth Century: Gorbachev and Ikeda on Buddhism and Communism*. London: I. B. Tauris.
- Grant, C. (2018). *Macron's Plans for the Euro*. Centre for European Reform. URL: <https://www.cer.eu/insights/macrons-plans-euro> (accessed: 13.06.2018).
- Grenier, P. (2015). Why Liberal Modernity Can't Live with any Principle of Order other than Itself: A Study. *Geo-political Philosophy*, 2015 (unpublished).
- Gromyko, A. (2015). *Russia, the US, and Smaller Europe (the EU): Competition for Leadership in a Polycentric World*. Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Working Paper No. 14. URL: <http://en.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/wp14.pdf> (accessed: 13.06.2018).
- Gromyko, A.A. & Fedorov, V.P. (Eds.). (2014). *Greater Europe. Ideas, Reality, Prospects*. Moscow: Ves Mir.
- Horvath, R. (2013). *Putin's 'Preventative Counter-Revolution': Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution*. London & New York: Routledge.
- Kearns, I. (2018). *Collapse: Europe after the European Union*. London: Biteback.
- Krastev, I., Leonard, M., Bechev, D., Kobzova, J. & Wilson, A. (2010). *The Spectre of a Multipolar Europe*. London: European Council on Foreign Relations.
- Lehne, S. (2017). Is There Hope for EU Foreign Policy? *Carnegie Europe*.
- Lo, B. (2009). *Medvedev and the New European Security Architecture*. Centre for European Reform. URL: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pbrief_medvedev_july09-741.pdf (accessed: 11.07.2018).
- Manners, I. & Whitman, R. (2016). Another Theory is Possible: Dissident Voices in Theorising Europe. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 54 (1), 3—18. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12332>.
- Maslovskiy, M. (2016). The Imperial Dimension of Russian Modernisation: a Multiple Modernities Perspective. *Europe—Asia Studies*, 68 (1), 20—37. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1116498>.
- McCormick, J. (2007). *The European Superpower*. Basingstoke: Palgrave.

- Mearsheimer, J.J. (2014). Why the Ukraine Crisis is the West's Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin. *Foreign Affairs*, 93 (5), 77—89.
- Ruggie, J. (1993). Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. *International Organization*, 47 (1), 139—174.
- Sakwa, R. (2008). Russian Political Culture through the Eyes of Vladislav Surkov: Guest Editor's Introduction. *Russian Politics & Law*, 46 (5), 3—7. DOI: <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940460500>.
- Sakwa, R. (2016). How the Eurasian Elites Envisage the Role of the EEU in Global Perspective. *European Politics and Society*, 17 (suppl.), 4—22. DOI: <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1171038>.
- Sakwa, R. (2017). The Ukraine Syndrome and Europe: Between Norms and Space. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 44, 9—31. DOI: <https://doi.org/10.1163/18763324-04401003>.
- Stuenkel, O. (2016). *Post-Western World: How Emerging Powers are Remaking Global Order*. Cambridge: Polity.
- Trenin, D. (2015). *From Greater Europe to Greater Asia?: The Sino-Russian Entente*. Moscow Carnegie Centre. URL: <https://carnegie.ru/2015/04/09/from-greater-europe-to-greater-asia-sino-russian-entente-pub-59728> (accessed: 11.07.2018).
- Tsygankov, A.P. (2015). Vladimir Putin's Last Stand: the Sources of Russia's Ukraine Policy. *Post-Soviet Affairs*, 31 (4), 279—303. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1005903>.
- Waeber, O. (1996). European Security Identities. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 34 (1), 103—132.
- Waeber, O. (1998). Insecurity, Security and Asecurity in the West European Non-War Community. In: *Security Communities*. Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, p. 69—118.
- Waltz, K.N. (2000). Structural Realism after the Cold War. *International Security*, 25, 1, 5—41.
- Zielonka, J. (2013). Europe's New Civilizing Missions: The EU's Normative Power Discourse. *Journal of Political Ideologies*, 18 (1), 35—55. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569317.2013.750172>.
- Zielonka, J. (2014). *Is the EU Doomed?* Cambridge: Polity.

Received: 02.10.2018

For citations: Sakwa, R. (2019). Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia. Part 2. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 59—76. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-59-76.

About the author: Richard Sakwa — PhD, professor of Russian and European politics at the University of Kent (United Kingdom) (e-mail: r.sakwa@kent.ac.uk).

© Саква Р., 2019